

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СССР

Часть первая

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 3

* * *

Русская культура XVII в. отличается смешением противоречивых явлений: остатков старого и элементов нового. Новое сказывается прежде всего в значительном обмирщении культуры. Появляются целые области культуры, в которых воздействия церкви не заметно, или заметно очень мало. Усиливается роль народных масс. XVII век — это век народных крестьянских и городских восстаний. Народные массы все больше и больше осознают свою роль в жизни страны, стремятся воздействовать на ход событий. Развивается и чисто народная культура: народное прикладное искусство, фольклор. Грамотные представители народа пишут литературные произведения, растут вольнодумство и антицерковные настроения.

Новые явления с особенной силой сказываются в русской литературе XVII в.

Литература начала XVII в. отмечена подъемом публицистики, связанной с событиями крестьянской войны и польско-шведской интервенции. В многочисленных произведениях о «Смутном времени» — в «Ином сказании», «Сказании» Авраамия Палицына, «Повести» Катырева-Ростовского, «Словесах дней и царей» Ивана Хворостинина, «Временнике» дьяка Ивана Тимофеева, «Новой повести о преславном Российском государстве» и других — горячо обсуждались причины «великой разрухи» и «всеконечного разорения» Русской земли. Авторы их оценивали происходящие события с различных классовых позиций: так, дьяк Иван Тимофеев усматривал виновников «Смуты» в «безглавной чади» — восставших крестьянах; неизвестные составители «Псковских повестей», напротив, полагали, что «лучшие» люди «мир восколебаша всякими неправдами». Но несмотря на различие социальной направленности, авторы всех этих произведений сходились в одном — в высоком патриотизме, пламенной любви к истерзанной родине. Страстная политическая напряженность, гражданственность, осознание значения народа в исторической жизни страны — таковы отличительные особенности повестей и сказаний «Смутного времени».

Вместе с тем в публицистике начала XVII в. проступает и новое отношение к человеческой личности, которое станет знаменем русской литературы XVII в., осознается ценность человеческой личности самой по себе, вне ее официального положения в обществе, развивается интерес к внутренней жизни человека.

Публицистические произведения о «Смутном времени» разрушили каноны древнерусской исторической литературы (летописей, исторических повестей, сказаний). Новым в них является не только изображение движений народных масс, но и непривычный дотоле автобиографизм: авторы и инициаторы сочинений о событиях начала XVII в. — князь Хворостинин, Авраамий Палицын, патриарх Филарет, и другие — стремятся в своих произведениях оправдать собственное поведение в годы интервенции. Эпический характер летописей сменяется в новых исторических сочинениях личной заинтересованностью мемуаристов, ищущих новой литературной формы для выражения нового содержания своих произведений. Значительная доля изложения посвящается отныне характеристикам исторических деятелей — Федора Ивановича, Бориса Годунова, Василия Шуйского, Лжедмитрия I, патриарха Гермогена и многих других. Живая человеческая личность со всеми ее достоинствами и недостатками ставится в центр изложения.

Интерес к человеческой индивидуальности особенно характерен для второй половины XVII в. В конце XVII в. появляется «Повесть о Савве Грудцыне» — с центральной ролью, принадлежащей «среднему» неизвестному человеку. В этом произведении все внимание читателя приковано к внутренней жизни человека и к его личной

драме. Не случайно «Повесть о Савве Грудцыне» называют первым русским романом.

По-прежнему, как и в предшествующие века, основными жанрами литературы остаются сказания, летописи, слова, поучения. Однако эта старая форма находится в резком противоречии с новыми сюжетами, темами и идеями. Чрезвычайно характерное явление этой своеобразной борьбы нового содержания со старой формой представляет собою знаменитая автобиография — «Житие» протопопа Аввакума. По своим взглядам Аввакум крайний консерватор, фанатический проповедник «старой веры». Однако как личность Аввакум — типичный представитель нового времени. Он борется, гневается, исправляет нравы, проповедует как вождь, но не как святой — аскет прежних веков. Свою биографию Аввакум изложил в жанре старого средневекового «жития», но форма «жития» резко нарушена Аввакумом. Аввакум пишет собственное «житие», описывает собственную жизнь, прославляет собственную личность, что было бы сочтено верхом греховного самовосхваления в предшествующие века. Аввакум вовсе не считает себя обыкновенным человеком. Он и в самом деле сравнивает себя со святыми и передает не только факты, но и «чудеса», которые считал себя способным творить. Эгоцентризм «Жития» Аввакума совершенно поразителен. Нельзя не видеть его связи с тем «психологизмом» XVII в., который позволил Аввакуму не только подробно и ярко описывать собственные душевные переживания, но и найти живые краски для изображения окружающих его лиц. Все творчество Аввакума раздирается противоречиями между стариной и «новизнами». Язык его сочинений представляет собой исключительный по остроте соединения контраст церковнославянизмов и живого разговорного просторечия. Высокопарные эпитеты соединяются с народными пословицами, душевный простецкий тон разговора сменяется тяжелой книжной речью в канонах XVI в. По содержанию он постоянно переходит от чисто церковных вопросов к семейным, от молитвы — к брани, к болтовне и злословию. Аввакум обращается к самым разнообразным традиционным приемам литературного творчества, чтобы передать волнующие его новые темы.

Сознание ценности человеческой личности развивается параллельно с сознанием значения народа в исторических событиях. Оно становится еще более отчетливым в ряде произведений середины и второй половины XVII в.: в повестях о завоевании Сибири атаманом Ермаком с казаками, в повестях об Азовском осадном сидении казаков и др. Во всех этих повестях народные массы по собственной инициативе присоединяют к Русскому государству города и области и сами за свой страх и риск их обороняют, проявляя беззаветную храбрость и мужество. Если в повестях о завоевании Сибири народные массы руководимы Ермаком и Ермак прославляется как личность, то в повестях об Азовском осадном сидении казаков нет даже и такой личности, нет вождя. Казаки действуют

сообща и прославляются как организованный народ — «великое воинство донское». Характерно, что и написаны эти повести под явным влиянием народной поэзии.

Пробудившаяся инициатива народных масс сказывается в появлении чисто народной литературы. Создателями ее были простые крестьяне, ремесленники, мелкое духовенство, влачившее жалкое существование — то в церковных хорах, то в незначительных церковных приходах, иногда мелкие торговцы и вовсе бездомные люди, «скитавшиеся меж двор» и перебивавшиеся случайными заработками. К числу лучших произведений этой демократической литературы принадлежат «Повесть о Ерше Ершовиче», описывающая под видом тяжбы между ершом и лещом — жителями Ростовского озера — земельные тяжбы XVII в., «Повесть о Шемякином суде», изобличающая взяточничество судей, «Азбука о голом и небогатом человеке», рассказывающая о злключениях бедного москвича-посадского, «Служба кабаку», рисующая яркую картину кабацкого пьянства, «Повесть о попе Савве», бичующая взяточничество духовенства, «Повесть о куре и лисе» и «Повесть о бражнике», выступающие против церковного лицемерия, «Калязинская челобитная», дающая представление о пьянстве в монастырях, и многие другие. В этих народных произведениях нередко появляются черты, опережающие свою эпоху. Эти черты есть, например, в исключительной по глубине содержания и силе выражения «Повести о Горе Злочастии». «Повесть» рисует «злую немерную наготу и босоту и бесконечную нищету», «недостатки последние» героя повести — некоего безымянного молодца. «Повесть» с сочувствием, с лирической проникновенностью и драматизмом дает образ безвольного, бездомного бродяги-пропойцы, дошедшего до последней степени падения. Это один из самых невзрачных персонажей, какие когда-либо изображала русская литература. И вместе с тем не осуждение неудачливого молодца, не сумевшего жить по житейским правилам окружающего его общества, а теплое сочувствие к его судьбе чувствуется в повести. В этом отношении «Повесть о Горе Злочастии» явление небывалое, из ряда вон выходящее в древней русской литературе, всегда суровой в осуждении грешников, всегда прямолинейной в различении добра и зла. Этим гуманистическим отношением к человеку «Повесть о Горе Злочастии» прямо предшествует великой русской литературе XIX в.

Ко второй половине XVII в. относится возникновение русского театра. Элементы театрального искусства были в России и раньше — в представлениях скоморохов и в церковной службе, но регулярный, современный в нашем понимании театр с написанным текстом пьес, с особым помещением для театральных представлений, зрительным залом, сценой, с декорациями и бутафорией появился в России только в 1672 г. при дворе царя Алексея Михайловича. Первое представление состоялось на немецком языке: постановщиком его был пастор Грегори из Немецкой слободы в Мос-

кве. Первыми актерами и декораторами были также иноземцы. Но вскоре стали играть русские актеры и пьесы ставились уже на русском языке. Содержанием пьес служили библейские и некоторые исторические и мифологические события. На устройство театра тратились огромные средства, и пьесы ставились с большой пышностью, но серьезного значения в истории русской культуры этот первый театр не имел. После смерти Алексея Михайловича он был закрыт и новые театральные представления появились затем только при Петре I.

Искусство в XVII в. чрезвычайно усложняется, становится разнообразным и противоречивым.

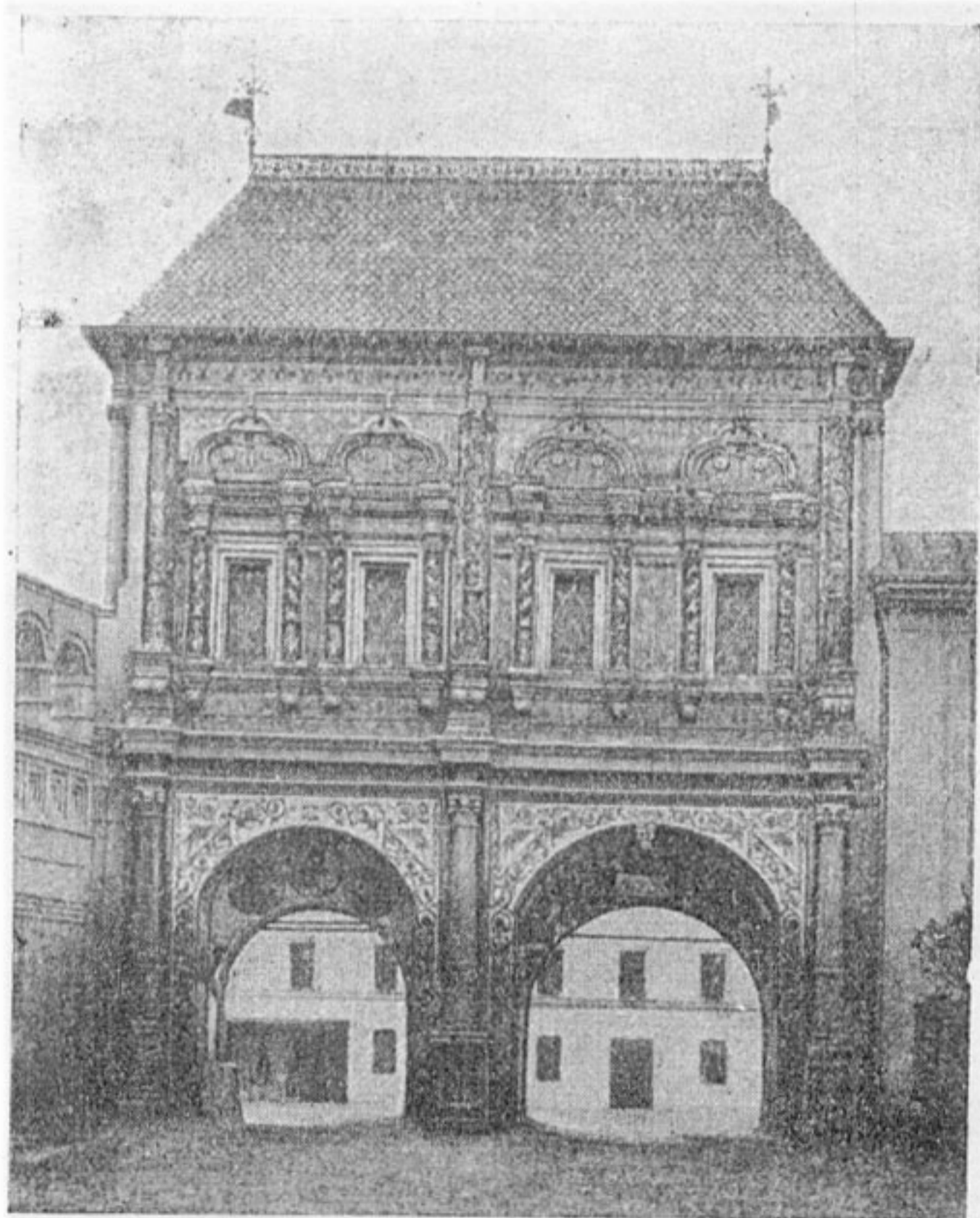
Если говорить о самом общем впечатлении, которое оставляют памятники русской архитектуры XVII в., то это будет впечатление резкого усложнения архитектурных форм, впечатление праздничного богатства их сравнительно даже с пышным и торжественным XVI в. На место все еще существовавших в XVI в. областных, ограниченных пределами определенной территории архитектурных школ (московской, новгородской, ярославской и т. д.) встало единое, нерасчлененное по областям искусство. И это искусство формируется под влиянием нового мировоззрения, нового, не аскетического отношения к внешнему миру, к природе, человеку. Новое миропонимание сказывается и в установлении связи здания с природой путем раскидистых лестниц, крылец, переходов, галдарей (например, церковь в Филях в Москве 1693 г.), и в общем живописном решении архитектурных задач, и в исключительной декоративности зданий, и в богатстве орнаментации, и во внесении цвета в архитектуру, широко использующей многоцветную окраску и керамику (собор Нового Иерусалима, ярославские храмы, Крутицкий терем в Москве и др.), и в стремлении создания колоссального внутреннего пространства (собор Нового Иерусалима), и в строительстве грандиозных архитектурных ансамблей (сооружение верхов башен Московского кремля, кремль Ростова Великого и многое другое).

XVII веку принадлежит множество шедевров русской архитектуры. Сюда относятся превосходные образцы народной деревянной архитектуры, особенно обильные на русском Севере, — Владимирская церковь в селе Белой Слуде Архангельской области (1642 г.), Ильинская церковь в селе Чухчерье близ Холмогор (1657 г.), Успенская церковь в селе Варгузе Мурманской области (1674 г.), церковь в селе Юромском Архангельской области, церковь в селе Богословском близ Ростова (1687 г.), деревянные стены и башня Якутского острога (1683 г.), острог Николо-Карельского монастыря на Северной Двине (1691—1692 гг.) (одна из башен его перевезена в музей села Коломенского под Москвой) и продолжающие традиции XVII в. красивейшие церкви XVIII в. Кижского погоста и в селе Кондапоге на Онежском озере. В традициях этого народного деревянного зодчества был выстроен в 1667—1668 гг. и зна-

менитый деревянный дворец царя Алексея Михайловича в селе Коломенском под Москвой. Постройки этого дворца были разобраны в 60-х годах XVIII в., но от него сохранились модель, чертежи и рисунки. Это было огромное сооружение, состоявшее из большого числа различных деревянных построек, объединенных между собою сенями и крытыми переходами. Хоромы дворца были крыты самыми разнообразными кровлями, украшены позолотой и расписаны яркими красками. Поэт XVII в. Симеон Полоцкий называл Коломенский дворец восьмым чудом света.

Каменное гражданское зодчество XVII в. также чрезвычайно разнообразно. Здесь и совершенно простые, лишенные какой бы то ни было декоративной отделки купеческие палаты, — вроде палат купцов Поганкиных в Пскове (1670-е годы), и пышно украшенные здания Земского приказа или Сухаревой башни в Москве.

Образование общерусской единой архитектуры отнюдь не исключало возникновения новых местных архитектурных школ, органически слитых с общим движением русской архитектуры в целом. В середине XVII в. особенно выдвинулась ярославская архитектурная школа, тесно связанная с народными традициями и местными особенностями природы и быта. Целый ряд ярославских церквей

Крутицкий теремок
в Москве. Строитель
О. М. Старцев,
1694 г.

Ансамбль Ростовского кремля. Вторая половина XVII в.

XVII в. принадлежит к лучшим произведениям русской архитектуры и пользуется всемирной известностью: церковь Ильи Пророка (1647—1650 гг.), Иоанна Златоуста в Коровниках (1649—1654 гг.), Иоанна Предтечи в Толчкове (1671—1687 гг.). Наряду с другими волжскими церквями ярославские постройки XVII в. замечательны соединением монументальности с жизнерадостным разнообразием декоративного убранства. Многоцветные росписи их внутри сочетаются с многокрасочной отделкой снаружи.

Как уже было сказано, в XVII в. создаются крупные архитектурные ансамбли. Особенно замечателен архитектурный ансамбль Ростова Великого. Высокие стены, башни, разнообразные верха церквей, повторенные в глади озера, напоминают театральную декорацию.

Сильнейшее воздействие на развитие пышности, узорчатости и усложненности фасадов оказывало украинское барокко. Очень интересен своеобразный стиль, созданный зодчими бояр «западников» — Голицыных и Нарышкиных — так называемое «нарышкинское барокко». К числу выстроенных в этом стиле зданий относятся всемирно известная московская церковь Покрова в Филях (1693 г.),

церковь Успения на Покровке (1696—1699 гг.), построенная русским крепостным мастером Петром Потаповым, постройки купцов Строгановых в Сольвычегодске и в Нижнем Новгороде.

Архитектурное мастерство, достигшее в XVII в. исключительной сложности и разнообразия форм, задерживалось тем не менее в своем развитии старой организацией строительства, старыми способами обучения зодчих и недостатком теоретических знаний. Этот разрыв между стремительным движением вперед архитектурной мысли и отставанием способов строительства с годами становился все более и более угрожающим.

Аналогичные противоречия мешали дальнейшему развитию и живописи. Трудная, негибкая техника иконописи, хорошо отвечавшая потребностям условного средневекового искусства, не могла отвечать новым требованиям, предъявляемым к живописи во второй половине XVII в. Между тем жизнь толкала русских иконописцев к реальной передаче внешнего мира. Перенесение в иконопись линейной и воздушной перспективы, светотени, введение

Церковь Покрова в Филях под Москвой, 1693 г.

целого ряда новых объектов в живописи, ранее неизвестных иконописному мастерству, изображение реальной архитектуры, а иногда и реального пейзажа с более или менее правдоподобными, не условными деревьями — все это было в XVII в. отходом от заветов старого иконного письма, державшегося строго традиционных приемов и традиционных сюжетов, и требовало перехода к совершенно иным принципам живописи.

Сильное влияние на иконопись в смысле разрушения иконописных традиций оказало портретное искусство. Особенное значение имело изображение человеческого лица в творчестве крупнейшего русского художника XVII в., признанного авторитета и руководителя художественного движения своего времени — Симона Ушакова. Иконописный «лик» постепенно уступает место в творчестве Ушакова простому человеческому лицу. Впервые в русском искусстве Симон Ушаков решает ряд задач воспроизведения пластики человеческого лица. Он производит исключительно трудную техническую работу, подражая в иконном письме масляной живописи, но остается эклектиком, не сумев решительно отказаться от приемов древнего русского искусства.

Таким образом, новые задачи, стоявшие перед русской живописью в XVII в., движение русской живописи от условных традиционных форм к правдивому и точному изображению «живства» властно требовали отказа от иконописной техники. О неудовлетворенности иконописанием свидетельствует самый факт приглашения иностранных художников и щедрая оплата их труда.

Во второй половине XVII в. развертывается интенсивная деятельность Оружейной палаты, ставшей, в особенности под руководством боярина Хитрово, своеобразной русской Академией художеств, диктовавшей художественные вкусы русскому обществу. Начиная с середины XVII в. здесь работает много русских и иностранных художников, рисовавших «с живства» и занимавшихся «парсунным» (портретным) мастерством. Многочисленные «парсуны» заезжих мастеров свидетельствуют о посредственном таланте большинства из них, так резко противоречащем изощренному мастерству русских иконописцев. Однако русская иконопись перестала удовлетворять вкусы большинства. Все сильнее и смелее проявлялась тяга к европейской живописи, к ее более совершенным и более реалистическим принципам.

В течение всего XVII в. происходило накапливание практических знаний. Особенно велик вклад русских людей XVII в. в мировую географическую науку. Русские сделали ценнейшие географические открытия на севере и северо-востоке Азии. В 1633 г. Ребров и Перфильев прошли по реке Лене до ее устья и дальше в 1636 г. по морю до реки Яны и Индигирки. В 1641 г. Стадухин прошел по Индигирке и дальше морем до Колымы. В 1643—1646 гг. Поярков обследовал берега Охотского моря, а в 1648 г.

Попов и Дежнев проплыли из Ледовитого океана в Тихий, установив, что Азия отделена морем от Америки. В 1647—1651 гг. Хабаров совершает свое путешествие по Амуру. Русские «землепроходцы» составляют интереснейшие записи о путешествиях в Китай и Монголию (И. Петлин, Ф. Байков, Н. Спафарий). Географические материалы обобщались в Сибирском приказе. Сюда поступали устные сведения, статейные списки и чертежи. Европейские географы стремились всеми способами получить русские географические материалы из Посольского и Сибирского приказов. Целый ряд западноевропейских географических работ были основаны на русских материалах. Среди этих работ в первую очередь следует назвать известную книгу голландца Витсена «Северная и Восточная Татария», а также работы голландца Исаака Массы, французов Невилля и Авриля, англичанина Коллинса и др.

Особенное значение имела составленная в 1627 г. в Разрядном приказе «Книга большому чертежу», содержащая перечень городов, сведения о расстояниях между ними и краткие географические заметки. Составлена эта книга была для «государевой службы — посылки», но имела более широкое познавательное значение и постоянно дополнялась новыми данными.

В конце XVII в. появляются и первые ученые-географы. К ним в первую очередь следует отнести разносторонне одаренного собирателя сведений о Сибири тобольского жителя Семена Ремезова. Ремезов был живописцем, знаменщиком (рисовальщиком), выдающимся картографом, архитектором, историком Сибири, своеобразным этнографом и археологом. На основании приговора Сибирского приказа 1696 г. Семен Ремезов составляет чертеж всей Сибири, в 1701 г. он заканчивает грандиозный атлас Сибири. Помимо этого, Ремезов составляет этнографическую карту Сибири с соответствующим описанием, а также «Историю Сибирскую».

В XVII в. резко усиливается приток иностранных книг, изданий античных классиков, исторических, географических, медицинских, философских, естественно-научных лексиконов и т. д. Часть из них переводится на русский язык. В 1637 г. был переведен труд Меркатора под названием «Книга, глаголемая космография». Были переведены первые четыре тома атласа Блау, география Луки де Линда, в которых пропагандировалась система Коперника. Изложение системы Коперника имелось и в изданном на русском языке в середине 70-х годов XVII в. переводе книги данцигского астронома Гевелия «Селенография» («Описание луны»). Прямыми предшественниками петровских изданий по военному делу явились переводы книг Вальгаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» и «Голландского воинского устава о наказаниях».

В XVII в. делаются попытки создания ряда собственных практических руководств. Сведения по математике, физике и химии сообщал «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до

воинской науки», компилятивное, полусамостоятельное произведение Анисима Михайлова.

Значительно увеличивается количество библиотек и расширяется их состав. В XVII в., кроме библиотек монастырей, известны библиотеки Посольского приказа, библиотека Московской типографии, царская библиотека, библиотеки отдельных представителей знати — А. Л. Ордин-Нащокина, А. С. Матвеева, князя Голицына. Ценителем книг выступает и патриарх Никон, не только собравший большую собственную библиотеку, но имевший также обыкновение дарить книги по монастырям. В библиотеках этого времени, кроме русских, было много книг на латинском, греческом, польском, немецком и других языках.

В XVII в. начинает живо ощущаться потребность в образовании. Именно этим было вызвано во второй половине XVII в. устройство правительственных и частных школ. Школы были открыты в Чудовом (1653 г.) и Спасском (1665 г.) монастырях. Ф. М. Ртищев завел школу в своем Андреевском монастыре (1648—1649 гг.). Целью этого обучения было по преимуществу овладение языками: латинским и греческим. Попутно вместе с тем вводились науки, связанные своим содержанием со средневековой образованностью: грамматика, риторика и философия. В 1668 г. прихожане церкви Ивана Богослова в Китай-городе пытались устроить при ней «гимнасион» для преподавания грамматики, славянского, греческого и латинского языков «и прочих свободных учений». Вскоре (в 1680 г.) открылась особая школа при Печатном дворе, где обучение велось также по преимуществу языкам. Наконец, в 1687 г. под руководством братьев Лихудов открылись занятия в московской Славяно-греко-латинской академии, соединившей в своих стенах изучение обоих языков, но преимущественно отдававшей греческому.

Славяно-греко-латинская академия в Москве была первым высшим учебным заведением в России и имела много учеников. Она давала по тем временам весьма высокое образование: в ней, по учебникам Лихудов, преподавались: логика, психология, «физика, или естественная философия». Один из ее учеников, Петр Постников, был первым русским, получившим докторскую степень в Падуанском университете. Заслугой Академии было расширение кругозора учащихся, приобщение к философской мысли древнего мира, выработка научно-логического мышления. Но открытие Академии не разрешило школьного вопроса в России. Образованность XVII в. не была той образованностью, которая могла ответить запросам все усложняющейся жизни. В основном она сохраняла средневековый характер, была оторвана от задач познания и овладения силами природы.

Канун Петровских реформ начала XVIII в. застал русскую культуру как раз в тот период, когда в ней были накоплены величайшие возможности будущего развития. Чтобы полностью про-

явиться этим возможностям, надо было сломать старые формы развития культуры, перевести это развитие на светские начала, освободиться от гегемонии церкви, создать условия для накопления и передачи знания в школах, в академиях, необходимы были теоретические обобщения, создание новых форм литературы, поэзии, театра, расширение книгопечатания и общения с другими странами для обмена опытом, знаниями и художественными достижениями.

Все это и было сделано в XVIII и XIX вв.

